

не правда ли, воп-  
рос? Чехова чи-  
тают, Чехова лю-  
бят, Чехова знают. Но речь идет о Че-  
хове-драматурге. А сцена капризна и  
чувствительна. Она не довольствуется  
общепризнанной «вечной» ценностью  
классических произведений. Она при-  
дирчиво выбирает в богатейших кла-  
довых прошлого и гребует ясного от-  
вета на вопрос: почему ставится  
именно эта пьеса и именно сейчас?

В этом году весь мир отметил сто-  
летие со дня рождения Чехова.

Юбилей драматурга театры отме-  
чают постановкой его пьес. Это есте-  
ственно, это право театра. Но юбилей-  
ные торжества проходят, а спектакли  
остаются. И зритель, купивший в  
кассе билет, уже не обязан помнить,  
по какому случаю была осуществлена  
постановка. Он ищет ответа на сцене,  
а не в календаре знаменательных дат.  
И это тоже естественно — это его,  
зрителя, право. И вот афиша пред-  
лагает читателям и почитателям Чехова  
(а кто бы мог их сосчитать в одной  
только Москве?) немало заманчивого и  
неожиданного. Начнем с театра, ко-  
торый всей своей историей связан с  
именем Чехова.

## 1. Музей Чехова

...Вы поднимаетесь на четвертый  
этаж большого серого дома в проезде  
Художественного театра и оказывае-  
тесь в спокойных залах музея  
МХАТа. Зал Чехова. Благородство и  
сдержанность, изящество и вкус —  
черты большой и прекрасной культуры.

Спустившись на улицу, вы входите  
в подъезд Художественного теат-  
ра, где сегодня дают «Чайку». И снова  
вас охватывает та же атмосфера.  
На сцене — знакомые и любимые  
артисты Художественного театра. И  
те же сдержанные «чеховские» тона,  
то же жизненное, с паузами течение  
монолог. Заботливо сохраненная театральная  
культура.

Но странно, ваше внимание чем  
дальше, тем больше рассеивается. И  
если бы не имя Чехова... Да, если бы  
не великое имя Чехова на афише, вы,

пожалуй, подумали бы:  
вот хорошие актеры, и  
играют хорошо, только  
пьеса... какая-то... не  
очень интересная... Известный писа-  
тель соблазняет молодую девушку, по-  
том бросает ее... Одним словом, «сю-  
жет для небольшого рассказа».

Едва ли режиссеры В. Станицы и  
И. Раевский и талантливые актеры  
П. Массальский сознательно хотели  
сделать талантливого писателя Триго-  
рина фатом, рисуящимся перед Ниной  
Заречной своей усталостью и равноду-  
шием к славе. Навердя ли театр за-  
ведомо рисовал себе Нину Заречную  
с ее душевными порывами и мечтой  
о сцене столь буржуазно-благоразум-  
ной и рассудительной юной особой,  
какой ее представила нам молодая и  
одаренная артистка Т. Лаврова. Мало  
вероятно, чтобы театр, начавший  
свой путь в борьбе против всяческой  
рутины, просто не захотел прислу-  
шаться к внутренней драме бунтующе-  
го против той же рутины Треплева  
и нарочно свел этого неудачливого  
новатора до того уровня симпатично-  
го, но не очень далекого юноши, на  
каком играет его несомненно способ-  
ный артист Ю. Пузырев. И совсем  
уж невозможно представить, чтобы  
А. Тарасова — незабываемая Мама  
в «Трех сестрах», не смогла сыграть  
драму, или, если угодно, комедию, ста-  
реющей, но еще молодящейся и жад-  
ной до жизни актрисы с тем искрен-  
ным чувством и с той умной проныей,  
какой ей хватает, увы, только на пер-  
вые сцены. А ведь если бы ее Арка-  
дина нашла свое место в общем за-  
мысле спектакля... Но в том-то и беда,  
что такого замысла — во всяком слу-  
чае замысла настолько оригинального,  
смелого, современного, что он объе-  
динил бы все мотивы чеховской пьесы  
и всех ее исполнителей в одно целое,  
— в спектакле нет. Есть «вообще»  
культура театра и «вообще» чехов-  
ский тон.

А между тем пьесы Чехова ничуть  
не «самоигральны» (еще на театре  
таков «выражение»). Их сложное и тон-  
кое внутреннее движение предъявляет  
театру требования не только культу-  
ры, но только добросовестного, верно-  
го по тону исполнения, но и — обяза-  
тельно! — общего режиссерского за-  
мысла, общей мысли, обнимающей со-  
бою весь спектакль. Без этой мысли  
пьесы Чехова распадутся на ряд  
почти бессвязных эпизодов, и отдель-  
ные фабульные мотивы берут верх над  
глубоким внутренним содержанием.  
Именно так случилось и с «Чайкой»  
в Художественном театре.

...Уходя с этого интеллигентного, но  
такого вялого, такого пассивного спек-  
такля, зрители — один про себя, опас-  
ливо, другие вслух — невольно за-  
даются вопросом: да полно, инте-  
ресен ли нам сейчас Чехов-драматург?  
Современен ли? Быть может, отдавши  
ему дань уважения как классику, оста-  
вить его на стенах музея?

## 2. Опять «Иванов»?

Историю чеховской драмы принято  
начинать с «Чайки», мнимая «Иванова»  
как предысторию. До последнего вре-  
мени наша сцена не вмешивалась в  
эту литературоведческую традицию.  
Когда в 1954 году, в дни пятидесяти-  
летия со дня смерти Чехова, Москов-  
ский драматический театр имени  
Пушкина начал репетировать «Ива-  
нова», решимость постановщика М.  
Кнебель многим казалась неоправдан-  
ной. В самом деле, как играть в на-  
ши дни эту пьесу, где герой только  
ноет, жалуется, сеует на свою сла-

М. ТУРОВСКАЯ

бость и в конце концов  
стреляется?

Но Борис Смирнов  
сыграл Иванова на ог-  
ромном трагическом взлете, и озапа-  
лось, что из всех юбилейных по-  
становок «Иванов» — самая живая и  
самая современная.

Казалось невозможным через ка-  
ких-нибудь пять лет прибавить что-то  
новое к столь полно и своеобразно  
раскрытой пьесе. И, однако, В. Бабоч-  
кин — постановщик «Иванова» в Ма-  
лом театре — не испугался вступить  
в соревнование. Не испугался потому,  
что у него был тот общий замысел,  
которого так не хватало возрожденной  
«Чайке» Художественного театра. И  
снова отнюдь не совершенный «Ива-  
нов» оказался самым живым и совре-  
менным из юбилейных чеховских спек-  
таклей...

Прежде всего Бабочкин-режиссер  
обратил внимание на то, что в поста-  
новке М. Кнебель было лишь акном-  
панементом к теме самого Иванова,  
— на его окружение. Там была пош-  
лость пассивная, как бы выпетшая,  
пошлость застойная, пошлость — ску-  
ка. Здесь пошлость наглая, злорадная,  
загребущая, пошлость — хамство.  
Все, все так или иначе торопят конец  
Иванова. Одни — клеветой и злобным  
языком, другие — непростительным сочув-  
ствием, которое грозит низвести Иванова  
на уровень уездного Гамлета и превра-  
тить его недовольство собой в ту же  
пошлость и позу.

Иванов Бабочкина очень ясно ви-  
дит эту опасность. Он менее романти-  
зирован, чем герой Смирнова, — он  
суше, трезвее, прозаичнее. Там, где у  
Смирнова — порыв, выбираний душев-  
ной жизни, у Бабочкина — язвитель-  
ная, беспощадная к себе логика. Смир-  
нов показал Иванова — этого героя  
русского безвременья — в его зени-  
те, в той высшей точке, где он еще  
сохранял силу сопротивления пошло-  
сти, но уже угадывал ее недостаточ-  
ность и необходимость действия. Ба-  
бочкин сыграл Иванова на излете, ко-  
гда его многословная критика пошло-  
сти, не претворенная в действие, сама  
грозит претвориться в пошлость и ложь.

Недаром таким живым человеческим  
ужором Иванову прозвучало удивитель-  
ное исполнение Сарры актрисой И. Ро-  
ек. Жизнь мещанская, обывательская,  
тупая и жестокая обвинена в этом  
спектакле гибелью Сарры и душевным  
крахом Иванова...

И хотя стилистика этого спектакля  
кажется неожиданно резкой для Чехо-  
ва, толпа излишне окарикатуренной, а  
режиссуре Бабочкина явно не хватает  
чеховской грации, — постановка Ма-  
лого театра вслед за Театром имени  
Пушкина еще раз показала, как много  
живого, современного, интересного  
скрывается порою даже в несовершен-  
ной, даже забытой сцене пьесы Чехова.

## 3. Можно. Только

не нужно...

Впрочем, несовершенным и забытым  
пьесам Чехова вообще повезло на этом  
юбилее больше, чем совершенным.  
Театр имени Вахтангова извлек из за-  
бытия раннюю юношескую «Пьесу без  
названия» («Платонов»). Театр имени  
Моссовета показал «Лешего». Что это  
— смелость театров, решившихся реа-  
билитировать неслучайно забытые  
шедевры, или недостаток смелости со-  
перничать с уже созданными сцениче-  
скими шедеврами?

В самом деле, ведь «Леший» — не  
что иное, как ранний и отвергнутый

Чеховым вариант «Дяди Вани». Не  
прошло бы было, не мудрствуя лукаво,  
ставить «Дядю Ваню», чем возродить  
к жизни зачеркнутого самим автором  
дядю Жоржу? Нет, не прошло, ибо для  
того чтобы «Дядя Ваня» не был всего  
лишь ухушенным изданием спекта-  
ля МХАТа, надо было иметь совершен-  
но новый, свой взгляд на него (как имел  
Бабочкин на «Иванова»). Между тем  
какая история дяди Жоржу, в чем-то по-  
хожая, а во многом и не похожая на  
классическую и всем известную пьесу,  
сама по себе представляла интерес  
новизны для зрителя и для театра.

И действительно, в пьесе немало по-  
чеховских метких жанровых зарисовок,  
вполноценных на сцене Театра имени  
Моссовета с присущей ему сочностью  
быта. Но это всего лишь отдельные  
портреты, не объединенные той целе-  
устремленностью мысли, которая вы-  
годно отличает «Иванова». Между тем  
как по-чеховски сдержанная в своем  
трагизме игра Р. Плятта в роли дяди  
Жоржу говорит, что театр мог бы, по-  
жалуй, рискнуть на «Дядю Ваню».

Но театр предпочитает возврат к бо-  
лее раннему, «дочеховскому» Чехову  
с его обилием бытовых зарисовок, с  
привычно «положительным» и всячески  
романтизированным Н. Мордвиновым  
«лешим», которого сам Чехов, однако,  
совершенно переделал, создав один из  
самых глубоких своих характеров —  
Астрова... Спорят: а можно ли вообще  
ставить «Лешего», забракованного  
самим Чеховым? Можно, коли хочется.  
Но как тут не вспомнить чеховские сло-  
ва: «Можно. Только не нужно».

Еще в большей степени это относит-  
ся к Театру имени Вахтангова, взявше-  
муся за совсем раннего «Платонова». И  
здесь есть интересные актерские рабо-  
ты, которых не может не быть в таком  
талантливом театре, и здесь воссоздана  
атмосфера уездной скуки, пошлости,  
безделья. Но вспоминали силуэт Че-  
хова — уже «настоящего», позднего,  
классического, которым вахтанговцы  
открывают спектакль, хочется крик-  
нуть: Да играйте же вы, черт возьми,  
настоящего Чехова, а не этот суррогат!  
Не ищите литературоведческой новиз-  
ны в старых, выброшенных автором  
черновиках — ищите ее в жизни, в  
самых себе, в вашем сегодняшнем  
взгляде на Чехова!

Итак, юбилей позади. Он обогатил  
чеховскую афишу, но обогатило ли  
это «обогащение» наши представле-  
ния о Чехове? Не разочаровало ли?

Увы, как еще нередко постановка  
классики оказывается порождением ка-  
лендаря, а не смелой современной  
мысли художников! И тогда кажется,  
что классика безнадежно устарела —  
во всяком случае для сцены. Но стоит  
и Н. Анникову поставить «Дело» Су-  
хово-Нобилина, А. Дикому — «Тени»  
Салтыкова-Щедрина, стоит А. Лобаню  
прочитать «скевские и нынешними  
очами» пьесу Островского «На всяко-  
го мудреца довольно простоты», Б. Ра-  
венских — «Власть тьмы» Толстого, а  
Г. Товстоногову — горьковских «Варва-  
р», как оказывается, что это живо,  
современно и всем нужно.

Ну а Чехов? Что ж Чехов...  
Опыт двух «Ивановых» говорит о  
том, что и Чехов ничуть не уста-  
реп, — стоит только взглянуть на не-  
го по-новому. И еще этот опыт под-  
тверждает, что навсегда сыгранных  
пьес нет, — стоит только прочесть их  
по-своему...